

ОГЛАВЛЕНИЕ

Благодарности	10
Введение. Наука и политика в эпоху постистины: скрытая рука Парето	11
ГЛАВА 1. БРЕКЗИТ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В СТОЛКНОВЕНИИ С ВОЛЕЙ НАРОДА	25
Введение	25
Антиэкспертный поворот в политике и науке	26
Как в случае брексита антиэксперты победили экспертов в их собственной игре	33
Как антиэксперты в игре брексита в конечном счете забили гол в свои ворота	42
ГЛАВА 2. ЧТО О СИТУАЦИИ ПОСТИСТИНЫ МОЖЕТ РАССКАЗАТЬ ФИЛОСОФИЯ	52
История истины с точки зрения постистины	52
Рождение риторики как ключевого элемента концептуального комплекса постистины	58
Модальная власть индустрии развлечений	75
Как истина видится постистине: веритизм как «фейк-философия»	82
Консенсус: сфабрикованное согласие как регулятивный идеал науки?	93
ГЛАВА 3. СОЦИОЛОГИЯ, А ТАКЖЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ КАК НАУКИ ЭПОХИ ПОСТИСТИНЫ	102
Социология и социальное конструирование идентичности	102
Исследования науки и технологий и научное трюкачество.	112

ГЛАВА 4. ПОСТИСТИНА АКАДЕМИИ:	
НЕРАСКРЫТЫЕ ПУБЛИЧНЫЕ ЗНАНИЯ	132
Введение: эпистемические недостатки академии и претензии на безусловные права132
Проблема академического поиска ренты и междисциплинарная контрмера142
Култ успеха и военно-промышленная воля к знанию154
Корпорация как центр военно-промышленной воли к знанию166
Заключение: поучительная история Фрица Хабера и более общие выводы для междисциплинарности173
Приложение: пролегомены к глубинной истории избыточности информации179
ГЛАВА 5. КАСТОМИЗАЦИЯ НАУКИ:	
ПРОЕКТ ДЛЯ СИТУАЦИИ ПОСТИСТИНЫ	200
Протнаука: наука личная и прямая	200
Публичный интеллектуал как прото-протученый	206
Заказчик науки, которому не нужно быть ее потребителем.213
Роль кастомизированной науки в будущем демократии и университета	220
Интерлюдия: Википедия — демократическое лекарство, которое хуже элитистской болезни?	234
Исторические прецеденты и будущие перспективы адекватного научного ответа на кастомизированную науку.	243
ГЛАВА 6. ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОЛИТИКИ И НАУКИ НА ИГРОВОМ ПОЛЕ ВРЕМЕНИ	
251	251
Веберовская диалектика: место встречи политической философии и философии науки251
Модальная власть и тонкое искусство реализации возможного	258

«Как если бы»: политика и наука	
о различии между фактом и вымыслом	264
Квантовая природа модальной власти	269
Прологомены к квантовой историографии модальной власти	274

ГЛАВА 7. ПРОГНОЗИРОВАНИЕ: БУДУЩЕЕ	
КАК ИГРОВАЯ ПЛОЩАДКА ПОСТИСТИНЫ	278
Введение: алхимическое искусство извлечения истины из заблуждения.	278
Предсказание: значимость прошлого для будущего.	283
Помогает ли наука прогнозированию или же вредит ему? Судьба публичных интеллектуалов как экспертов.	290
Учиться «мыслить немислимое»: испытательный полигон для постистины	300
Суперпрогнозирование: тонкое искусство вечной подготовки к Судному дню	309
Заключение: от суперпрогнозирования к форсированному правлению	322
Резюме	334
Аннотированный указатель	337
Литература	356

Эта книга посвящается памяти
основателя «научной истории»,
древнегреческого историка Фукидида,
который сегодня считался бы
поставщиком «фейковых новостей»

БЛАГОДАРНОСТИ

В числе тех людей (помимо издателя), которые безропотно ждали, пока я испытывал их терпение, когда писал различные тексты, отрабатывая аргументацию, представленную на страницах этой книги, позвольте выразить особую благодарность Джеймсу Чейзу, Джиму Коллье, Алистеру Даффу, Джоанне Данкан, Бобу Фродману, Инанне Хамати-Агайе, Джерри Хаузеру, Илье Касавину, Шерон Райдер, Микаэлю Стенмарку и Джеку Стилго. Также я хотел бы поблагодарить Британскую социологическую ассоциацию, Европейскую ассоциацию исследований науки и технологий, газету *Guardian* и Лондонский институт искусства и идей, которые опубликовали на своих веб-сайтах первые версии текстов, вошедших в эту книгу. Наконец, я хотел бы выразить благодарность за поддержку Российскому научному фонду (проект № 14-18-02227 «Социальная философия науки»), с которым я связан в качестве исследователя Института философии РАН.

Введение

Наука и политика в эпоху постистины: скрытая рука Парето

ОКСФОРДСКИЙ словарь английского языка действительно объявил постправду, или постистину¹, словом 2016 г., однако само это понятие всегда было у нас и в политике, и в науке, поскольку оно им намного ближе, чем полагают те, кто недоволен его существованием. Для того чтобы раскрыть его политические корни, длинная память не нужна. Вспомним придуманное в 2004 г. выражение «сообщество, основанное на реальности», ставшее ироническим контрапунктом к внешнеполитическому подходу, которого придерживался Джордж Буш-младший, особенно после начала войны в Ираке. Тем не менее интересно посмотреть точное словарное определение постистины, включающее также примеры узуса:

Характеризует или обозначает обстоятельства, в которых объективные факты оказывают меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личной вере:

¹ Термин «*post-truth*» чаще на русский переводится как «постправда», однако здесь используется вариант «постистина», более соответствующий подходу автора, ориентированному, в частности, на эпистемологию и социологию науки. — *Примеч. пер.*

«в эту эпоху постистины легко отыскать любые данные, какие только захочется, и прийти к любому выводу, к какому только пожелаете»;

«некоторые комментаторы отмечали, что мы живем в эпоху постистины».

Такое определение имеет очевидно негативный оттенок. Собственно, это не что иное, как постистинное определение постистины. Именно в таком свете хотят представить своих противников те, кто занимает господствующие позиции в актуальной игре знания и власти. В данном контексте слово «эмоция» само является составляющей жаргона постистины, лишь затемняющей истинную функцию этого слова, которая состоит в том, чтобы получить сравнительное преимущество на некотором более или менее четко определенном игровом поле.

Люди, более всего чувствительные к тому факту, что мы живем в мире «постистины», склонны полагать, что реальность фундаментально отличается от того, что о ней думает большинство. Это относится к обеим сторонам современного водораздела «постистины», то есть к элитарным экспертам и популистским демагогам. Обе эти позиции определяются платоновским мировоззрением, которое Никколо Макиавелли успешно демократизировал в период Ренессанса. Затем оно было модернизировано для капиталистического мира политэкономистом Вильфредо Парето (1848–1923), одним из забытых отцов-основателей социологии, в работах которого черпал вдохновение Бенито Муссолини. В годы моей молодости Парето все еще называли «Марксом правящего класса», что объяснялось уважительным отношением к нему со стороны таких либералов времен холодной войны, как Толкотт Парсонс и Раймон Арон [Parsons, 1937, ch. 5–7; Aron, 1967, ch. 2; Арон, 1992, с. 403–487]. Если и есть человек, заслуживающий звания небесного покровителя постистины, то это Парето.

С его точки зрения, социальный порядок является результатом взаимодействия элит двух типов, которых он называл, следуя в этом за Макиавелли, *львами* и *лисами*. Оба вида торгуют постистиной. Львы рассматривают общепринятое в статус-кво понимание прошлого в качестве надежного основания будущего, тогда как лисы считают, что статус-кво поддерживает порочное понимание прошлого, которое мешает достижению лучшего будущего. История, таким образом, заключается в непрерывном обороте двух этих темпоральных ориентаций: «индуктивной» и «контриндуктивной», как сказали бы эпистемологи.

Приведенное Оксфордским словарем английского языка определение постистины выражает истину льва, который пытается задать максимальную моральную и эпистемическую дистанцию от любой эрзац-истины, которой может приторговывать лиса. Именно она, но не лев изображается в качестве того, кто искажает факты и обращается к эмоциям. Однако истина льва лисе представляется слишком уж прямолинейной и тяжеловесной, немногим более чем заявкой на неотчуждаемое право, часто предъявляемой в приступе праведного гнева. Таким образом, стратегия лисы — минимизировать моральную и эпистемическую дистанцию между своей собственной позицией и позицией оппонента-льва, обычно за счет изобличения неисполненных обещаний и статусного лицемерия последнего.

Политика постистины была в полной мере явлена в американской президентской кампании 2016 г., когда Хиллари Клинтон, занимающая позицию льва и являвшаяся, возможно, самым квалифицированным кандидатом на пост президента США за всю историю страны, назвала сторонников Дональда Трампа «кучкой жалких людей» за то, что они пытались подорвать господствующую «прогрессивную» повестку неолиберального государства всеобщего благосостояния, сформировавшуюся в период по-

сле холодной войны. В ответ лис-Трампа, говоря от лица американцев, которых эта повестка все больше игнорирует, назвал людей, отстаивающих ее, «порочными» и «продажными».

Однако Трамп имел в виду и нечто более глубокое, связанное с самой основой ситуации постистины. Этот момент промелькнул в одном лозунге его кампании: «осушить болото». Весь вашингтонский истеблишмент — не только демократы-сторонники Клинтон, но и противники Трампа в Республиканской партии, которая номинировала его в качестве кандидата на пост президента, — был обвинен в том, что он проводит договорные матчи, а потому, кого бы ни выбрать, законы, которые будут приняты, все равно окажутся на руку политическому классу независимо от их влияния на жизнь простого народа. В более львиные времена это называлось двухпартийной системой, и именно так велись государственные дела. В самом деле, социологи-апологеты такого режима превозносили его на протяжении по меньшей мере двух поколений в качестве «конца идеологии» [Bell, 1960]. Предполагалось, что это игра, которая побьет все остальные игры. Но Трамп успешно доказал, что всего лишь еще одна игра. И это, по сути, и есть зачаток ситуации постистины.

Если использовать философский жаргон, ситуация постистины сводится к тому, чтобы занять метапозицию. Вы пытаетесь выиграть, не просто играя по правилам, но и определяя само содержание правил. Лев стремится выиграть, сохранив правила в их нынешнем виде, а лиса стремится их изменить. В игре истины точка зрения льва без лишних раздумий принимается за нечто самоочевидное: противники конкурируют друг с другом в соответствии с заранее согласованными правилами, причем это первоначальное согласие определяет природу их противостояния и состояние игры в любой конкретный момент времени. В этом случае лисы могут оставаться обо-

зленными проигравшими. В игре постистины цель в том, чтобы разгромить противника, хорошо при этом понимая, что правила игры могут поменяться. В этом случае сама природа противостояния может измениться так, что преимущество внезапно перейдет к вашему противнику. И лисы всегда играют на такую внезапную перемену.

Когда Макиавелли говорил, что успешные правители всегда используют силу экономно, он имел в виду желание сохранить игру истины. Львы не должны рычать, поскольку они могут проиграть, если им понадобится действительно подкрепить свой рык действиями, что было доказано множеством исторических примеров. Игра истины лучше всего работает, когда самозванные хранители истины ограничиваются угрозой, но не реальной демонстрацией силы. Таким образом, стратегия льва сводится к подавлению контрфактического воображения, то есть мысли о том, что все могло бы быть иначе. Именно в этом заключается применение того, что далее я буду называть *модальной властью*. Платон опробовал нечто похожее, когда предложил ввести цензуру, чтобы художники заранее знали, что их произведения попадут под запрет, если они нарушат границы политкорректности, определяемые царем-философом. (Платона наверняка порадовали бы «правила общения», принятые в современных университетах.) Ощущавшаяся Макиавелли необходимость более прямого обсуждения этих вопросов говорит о том, что это был момент истории демократизации, а также, как я считаю, развития человеческого самосознания в более широком смысле.

Трамп поднимает ставки еще выше, когда говорит о «фейковых новостях», чем ставит под вопрос традиционные либеральные инструменты воспроизводства различия истины и лжи в американских СМИ, таких как *New York Times* или *CNN*. В этом ему существенно помогли недавно возникшие социальные сети, в которых новостные ленты ресурсов вроде *Breitbart*, основанного выступающими

против истеблишмента «альтернативными правыми», сумели, в частности на страницах *Facebook*, составить конкуренцию «мейнстримным» СМИ, а в некоторых случаях и вытеснить их. (Бывший глава *Breitbart* Стив Бэннон работал главным стратегом Трампа во время кампании 2016 г. и в первый год его президентства.) В результате люди получают либо конфликтующие новостные сообщения, между которыми они сами должны сделать выбор, либо же попросту такие сообщения, которые соответствуют предпочтениям, заявленным ими в роли пользователей социальных сетей. И в том и в другом случае они становятся более уверенными в том, что способны самостоятельно разобраться в вопросах истины.

Хорошим показателем того, что люди заняли «метапозицию» в ответ на это размножение новостных ресурсов, является уровень паранойи, выплескиваемой в социальных сетях после объявления, что источником такой-то новости были, скажем, *Breitbart* или *CNN* в зависимости от того, у кого какая идеология. В конце концов, хотя зрители *CNN* терпеть не могут, когда их любимый канал обзывают «фейковым», именно такой эпитет они сами применяют к *Breitbart* и его телевизионному аналогу *Fox News*. Таким образом, игровое поле было выровнено. Все теперь играют в игру Трампа. А ее название — «зуб за зуб», и именно она составляет сегодня беспрецедентно большую долю новостей: в ответ на любую проверку на *CNN* достоверности твитов Трампа, продвигаемых на *Fox News* и приукрашиваемых там штатными комментаторами, *Fox News* привлекает внимание к тем благим делам, которыми занят Трамп и которые игнорирует *CNN*, поскольку эта компания больше занята поиском оснований для его импичмента.

Хотя мы живем в мире круглосуточных новостей, то, что я только что описал, не является вполне справедливой борьбой. В обществе, которое становится все более демократическим, запас активного внимания остается таким

же ограниченным, как и ранее, однако теперь люди считают, что, если к ним на деле относятся как к простакам, это немногим лучше того, чем если бы их открыто считали идиотами. Все это играет на трамповскую сторону «метааргумента», который в конечном счете гласит, что нужно довериться способности людей самостоятельно принимать решения в вопросах истины, позволив им жить с последствиями своих решений даже тогда, когда их суждения оказались ошибочными, по крайней мере, с точки зрения их собственного благосостояния или выгод.

Обратимся теперь к науке, ситуация в которой не так уж отличается. Львы Парето получают от традиции легитимность, которая в науке основывается на экспертизе, а не на родословной или обычае. Однако, как и прежние формы легитимности, экспертиза черпает свой авторитет в кумулятивном весе межпоколенческого опыта. Именно это и имел в виду Томас Кун [Kuhn, 1970; Кун, 1977] под научной «парадигмой», набором конвенций, которые упорядочивают знание в форме определенного мировоззрения, учрежденного тем или иным основоположником, например, сэром Исааком Ньютоном или Чарлзом Дарвином. Каждая новая порция знаний освящается в таком случае «коллегиальным рецензированием».

Куновская концепция науки является «постистинной» потому, что «истина» более не арбитр легитимной власти, скорее, она маска легитимности, которую носит всякий, кто стремится к власти. Вышло так, что взгляды Куна сформировались в Гарварде в конце 1930-х годов, когда тамошний корифей Лоуренс Хендерсон не только прочел первые курсы по истории науки, но и создал междисциплинарный «Кружок Парето», чтобы познакомить восходящих звезд университета со взглядами автора, которого он считал единственным стоящим конкурентом Карла Маркса [Barber, 1970; Fuller, 2000b, ch. 4]. Тот факт, что президент Гарварда Джеймс Брайант Конант, протек-

же Хендерсона и учитель Куна, войну с нацистами поддержал чуть ли не последним, но был в числе первых, предложивших применить атомную бомбу для окончания войны с Японией, указывает на то, что Парето он освоил неплохо. Конант присоединился к остальным только тогда, когда это было абсолютно необходимо (ход льва), но хватался за удачную возможность, если остальные еще сомневались (ход лисы) [Hershberg, 1993, ch. 6].

Наиболее интересная черта нарратива Куна о прогрессе науки — и не будем забывать, что он пользовался наибольшим влиянием на протяжении последних 50 лет — это то, что он называет «оруэлловским» понимание истории науки, которое должны разделять как профессиональные ученые, так и широкая публика [Kuhn, 1970, p. 167; Кун, 1977, с. 219]. Кун ссылается на роман «1984», в котором работа главного героя заключается в переписывании газет, выходявших в прошлом, чтобы казалось, что сегодняшний курс государства совпадает с тем, каким он был всегда. В такой версии истории, которая непрерывно подправляется, публика никогда не замечает никаких резких поворотов, не обнаруживает перебежчиков или ошибочных суждений, из-за наличия которых у нее могли бы возникнуть вопросы к прогрессивному нарративу государства. Вера в статус-кво сохраняется, а рекрутам внушается желание следовать его курсу. Кун утверждал, что идеи, применимые к тоталитарному «1984», распространяются также и на науку, объединяемую закланием парадигмы.

Но в том же цеху разворачивается деятельность и другой группы элит, а именно лис, к которой профессиональные историки науки, обычно не имеющие кровной заинтересованности в том, чтобы наука держалась своей официальной линии, обращаются для того, чтобы выяснить, что реально происходит за кулисами драмы, которую пытаются поставить львы. В современной политике науки лисы известны под разными именами — начиная с «вольнодум-

цев» и заканчивая «социальными конструктивистами» и «псевдоучеными». Для них характерны несогласие и неумность, которым находится место в мире открытости и благоприятных возможностей.

Львы научного истеблишмента поначалу отвечают лисам-диссидентам в своей среде тем, что попросту отказывают им в эпистемическом статусе, а может, и в существовании, но не занимаются их открытой критикой, которая бы велась на общем основании. Так, креационисты, климатические скептики и различные последователи нью-эйджа, какие бы сложные теории они ни развивали, не просто ошибаются, они еще и «порочны» в том смысле, который допускает разбухание эпистемической ошибки до нравственного греха. Соответственно, всякий раз, когда диссиденты заявляют, что они дают иную оценку имеющимся фактам, львы объявляют их лжецами, поскольку лисы не придерживаются ортодоксальных взглядов.

Однако такая пренебрежительная стратегия не лишена рисков, особенно когда ортодоксия сама не может достоверно установить истину, которую она издавна обещала хранить, и особенно когда подобная неуверенность сопровождается запросами на государственное финансирование, необходимое для дальнейших исследований. Добавьте к этому всевозможные трюки с подтасовыванием, замечанием следов, запутыванием и другими действиями *ad hoc*, которыми обычно приходится заниматься ортодоксии с целью показать, что она все ближе к истине. Это вместо того, чтобы выбрать более простую стратегию, которая бы состояла в решительной смене курса. Бесстрастный наблюдатель вполне может прийти к выводу, что громкий рык льва выдает лишь его неспособность разгромить претендентов, готовых заявить, что он блефует.

Лисы, со своей стороны, определяют настоящее как экстатический момент, в который решается всё, то есть как то, что древнегреческие софисты называли кайросом. Он

подразумевает решительный разрыв с «прошлым», которое, как им известно, все равно дано в виде вымысла, как в романе «1984». Тогда как самозванные провидцы подают себя, подобно Галилео Галилею, в качестве тех, кто первым смог увидеть нечто такое, что было у всех на виду. Экспертные знания в таком случае представляются хранилищем подпорченных суждений, нужных лишь для того, чтобы подавлять многообещающие альтернативы тем позициям, которые уже обанкротились. С точки зрения Куна, научные лисы одерживают верх всякий раз, когда в гладком нарративе львов появляются трещины, устойчивые «аномалии», которые правящая парадигма объяснить не в состоянии.

Однако у лис есть собственная ахиллесова пята: они сильны, когда находятся в оппозиции, но сварливы, когда во власти. Самый главный оппонент Куна Карл Поппер [Popper, 1981] пытался представить эту черту в выгодном свете, вторя Льву Троцкому и называя ее «перманентной революцией» в науке. Но если игровое поле науки открыто для всех, кто желает присоединиться к этой игре, правила самой игры могут измениться до неузнаваемости. Немногие ученые отрицают сегодня необходимость расширения «научного гражданства», но точно также немногие хотели бы, чтобы оно привело к «пролетарской науке», в которой научная повестка диктуется всенародно избранными комитетами [Lesouff, 1976]. В этом отношении ученые не желают нарушать границы вроде той, перед которой стоят политики и которая отделяет парламентскую демократию от демократии всеобщего участия или же служение истинным интересам народа от служения тому, что народ сам считает своими интересами. Как мы увидим в главе 1, именно эта граница была нарушена на британском референдуме 2016 г., когда решался вопрос о выходе из Европейского союза (ЕС), или о так называемом брекзите.

На момент написания этой книги вышло более двадцати книг с термином «постистина» в названии, и все они сосредоточены на той роли, которую постистина в ее ругательном смысле, определенном Оксфордским словарем английского языка, сыграла в победах брекзита и Трампа, ставших зеркальными отражениями друг друга. Их неизменной темой являются «фейковые новости», причем толкуются они обычно в соответствии со словарным определением, то есть с явной неприязнью к победителям. Эта книга не ставит задачу стать для них конкурентом. Напротив, как уже ясно по этому введению, я считаю постистину важной чертой интеллектуальной жизни, по крайней мере на Западе. Она объединяет те вопросы политики, науки и суждения, которые традиционные авторитеты обычно считали необходимым не смешивать. Даже если Трамп вынужден будет подать в отставку или же не сможет переизбраться на пост президента, даже если брекзит в самый последний момент будет аннулирован (все это на момент написания книги остается вполне возможным), ситуация постистины никуда не денется. Имея это в виду, я хотел бы теперь изложить краткое содержание данной книги.

В главе 1 выбирается достаточно широкий эпистемологический подход к изучению брекзита, в ходе которого парламентские лисы Великобритании получили больше, чем просили, склонив общество к самостоятельному осмыслению оснований продления членства в ЕС. У британских избирателей, несмотря на неопределенность будущего, куда страна катится благодаря брекзиту и в котором пытаются лихорадочно разобраться как лисы, так и львы, вкус к прямой демократии при этом несколько не отбил.

В главе 2 показывается, что философия, то есть дисциплина, которая любит представлять себя в качестве более других озабоченной «Истиной», на протяжении всей

своей истории отдавала предпочтение позиции постистицизма начиная с диалогов Платона, где льву-Сократу всегда удается перехитрить своих противников — лис-софистов. Кроме того, даже в современной «аналитической» школе, которая в англоязычном мире давно стала официальным лицом академической философии, никогда не было согласия ни относительно природы, ни относительно критериев истины, хотя, разумеется, некоторые определения истины отдают предпочтение, скорее, одним модусам мысли и формам знания, чем другим. В этом отношении философия всегда оставалась и остается постистинной.

В главе 3 речь сначала пойдет о социологии, которую можно считать образцом постистинной науки с учетом ее интереса к тому, как людям удастся переопределять самих себя в меняющихся условиях. Наиболее известным примером этих изменений является переход от досовременности к миру Нового времени и, возможно, к миру постмодерна. К сожалению, исследования науки и технологий, составляющие передний край социологии знания, в последние годы отrekliсь от своей первоначальной подписи под ситуацией постистицизма, хотя и сохранили за собой наилучшую позицию для прояснения сходства с игрой как неотъемлемого качества науки.

В главе 4 ставится диагноз неспособности науки полностью использовать даже собственную базу знания. Эта неспособность объясняется той властью, которой дисциплины, или «парадигмы» (в смысле Куна), обладают над исследователями. Такие социальные формации успешно ограничивают академическую энергию общепринятыми направлениями исследования. К счастью, не все люди, получившие академическое образование, и не все заинтересованные стороны приписаны к академии. Точнее, можно говорить о существовании, как я это называю, «военно-промышленной воли к знанию», которая нацелена на то, что в библиотековедении получило название «нерас-

крытое публичное знание». Глава заканчивается размышлением об «избыточности информации» как о более общем культурном контексте, в котором возникает проблема нераскрытого публичного знания.

В главе 5 рассматривается постистинностный феномен «кастомизированной науки», состоящий в нестандартных интерпретациях или применениях научного знания, которые в той или иной мере противоречат авторитету экспертов-ученых. Это естественное ответвление того мира, в котором наука все больше считается чем-то важным для жизни людей, тогда как источники информации о науке более не ограничиваются научной лабораторией и университетской аудиторией. Результатом становится то, что я назвал «протнаукой», поскольку теперь люди понимают науку по-своему, примерно в том же смысле, в каком в период протестантской Реформации они стали понимать по-своему Библию.

Глава 6 начинается со знаменитых лекций Макса Вебера о политике и науке как о призвании, причем доказывается, что предметом политики и науки является одна и та же тема, хотя политика носит маску ситуации постистины, а наука — ситуации истины. Грубо говоря, ученые стремятся определить правила игры, которые политики хотели бы изменить себе на пользу. Это как нельзя более яркий пример борьбы за «модальную власть», то есть контроля над тем, что возможно. Написание и переписывание истории — это, пожалуй, и есть то поле, на котором данная борьба разворачивается в наиболее наглядном виде.

В главе 7 книга завершается обсуждением эпистемологии будущего, то есть прогнозирования, выступающего наиболее передовым игровым полем воображения постистины. Вопрос не столько в том, как правильно предсказывать будущее, сколько в том, как выжать максимум из любого поворота событий. С учетом сказанно-

го история показала, что игроки, начинавшие в качестве проигрывающих, могут в итоге закончить победителями просто потому, что они лучше пользуются актуальной ситуацией, даже если она возникла из серьезной неудачи. В этой главе дается обзор нескольких возможных установок по отношению к будущему, наиболее известной из которых являются «адаптивные предпочтения» и их политический коррелят — «форсированное правление», recommending не избегать катастрофы, а планировать исходя из того, что она случится, поскольку планы могут увенчаться успехом даже в том случае, если Судного дня удалось избежать. Именно благодаря такому подходу появился Интернет, изобретенный во время холодной войны.

Глава 1

Брекзит: политическая экспертиза в столкновении с волей народа

ВВЕДЕНИЕ

ДЛЯ начала я должен сказать, что был бы счастлив, если бы можно было вернуться к начальной точке того пути, который выбрала Великобритания, когда 23 июня 2016 г. 52% голосов «за» и 48% «против» она приняла судьбоносное решение по выходу из Евросоюза после более 40 лет членства в этой организации (так называемый брекзит). Меня устроил бы любой вариант, который позволил бы вернуть Великобританию в ЕС: парламентское голосование, новые выборы в парламент, второй референдум — что угодно. Но предположим, что брекзит неминуем. Моя позиция в таком случае состоит в том, что мы должны внимательнее — и благожелательнее — исследовать то, что, собственно, планировали достичь некоторые из наиболее смелых сторонников брекзита. Однако это не так просто, как может показаться, поскольку их позиция представляет собой странную амальгаму популизма и элитизма, которые в таком сочетании угрожают не только суверенности парламента, о чем много писали СМИ, но также авторитету экспертной оценки, понимаемой в достаточно широком смысле. Таковы пути лисицы, если говорить в категориях Парето. Здесь стоит вспом-

нить о том, что практически все институты Британской академии, ведущие деловые организации, включая Банк Англии, а также политики из разных стран мира, решившие выразить свое мнение по этому вопросу, хотели бы, чтобы Великобритания осталась в ЕС. (Заметным исключением стала Россия.)

Однако, как мы увидим, брекзит оказался для его сторонников отравленной чашей, поскольку они не предугадали того, что общество посчитает свой вновь обретенный голос чем-то вроде своих собственных, публично явленных экспертных знаний. Свое рассуждение я разобью здесь на три части. Сначала я рассмотрю брекзит в контексте давно применяемого мною антиэкспертного подхода к социальной эпистемологии, который во многих отношениях роднит меня со сторонниками брекзита. Затем я обращаюсь к борьбе парламентских элит, которая со временем привела к победе брекзита, и сфокусируюсь на особой эпистемической и этической стратегии его сторонников в их отношении к общественному мнению. Наконец, я рассмотрю непредвиденное формирование в контексте брекзита «общей воли» в духе Руссо, в рамках которой британская демократия выступает за предвидимое будущее, а в заключении поговорю о роли научных кругов — и особенно бизнес-школ — в антиэкспертной революции.

АНТИЭКСПЕРТНЫЙ ПОВОРОТ В ПОЛИТИКЕ И НАУКЕ

Тема экспертизы близка моему сердцу, поскольку версия «социальной эпистемологии», разрабатываемая мною на протяжении последних 30 лет, отличалась своей «деконструктивистской» и «демистифицирующей» установкой по отношению к экспертизе, которую я первоначально называл «когнитивным авторитаризмом» [Fuller, 1988, ch. 2]. Будучи философом науки, который стал «социаль-

ным конструктивистом» в годы, когда складывалось поле, ныне известное под названием «исследования наук и технологий» (*STS*), от своих коллег-философов я отличался тем, что видел в дисциплинарных границах, благодаря которым институализируются экспертные знания, всего лишь необходимое зло по сравнению со свободным исследованием: и зло было тем больше, чем больше необходимо оно было [Fuller, Collier, 2004, ch. 2]. В этом контексте я занимал сторону Карла Поппера, а не Томаса Куна: первый говорил, что ни одно притязание на научное знание не является неопровержимым, а второй — что наука зависит от редкого опровержения своих притязаний на знание [Fuller, 2003a].

Когда примерно 20 лет назад я занялся проблемой «управления знаниями», меня поразила двусмысленность предлагавшейся экономикой трактовки роли знаний в создании богатства. С одной стороны, знание представлялось магическим «фактором X» производства, обычно называемым инновациями, которые несводимы к доступным эпистемическим и материальным ресурсам. С другой стороны, существует знание как «экспертиза», то есть определенная форма *поиска ренты*, которая структурируется необходимостью приобретения документально заверенной квалификации, предваряющей доступ к тому, что уже известно [McKenzie, Tullock, 2012, part 5]. Это опять же спор Поппера и Куна. С точки зрения динамичной капиталистической экономики инновации играют очевидно положительную роль не в последнюю очередь потому, что они «созидательно разрушают» рынки, что является функциональным эквивалентом смены парадигм в науке. Экспертиза же рассматривается в негативном ключе — как основной источник возникновения узких мест в потоках информации. В те времена я полагал, что появление «экспертных систем», в которых компьютеры программируются так, чтобы воспроизводить обычные рассуждения экспертов, могло бы в

конечном счете устранить подобные узкие места, сняв потребность в наличии экспертов-людей, в том числе в таких относительно высокооплачиваемых, но рутинных областях, как право и медицина. Эта цель по-прежнему остается важной [Fuller, 2002, ch. 3].

Позже я вплотную занялся будущим университета, все более «исследовательского», что, по-видимому, является эвфемистическим обозначением роли этого института в производстве и сертификации экспертизы. Я же, соответственно, призывал к тому сдвигу в миссии университета от исследования обратно к преподаванию, который исторически как раз и стал важнейшим фактором в разрушении иерархий или узких мест, где расцветает экспертиза [Fuller, 2016a]. В этом контексте преподавание следует понимать в качестве регулярной доставки знаний тем, кто в ином случае пребывал бы в невежестве в силу собственной удаленности от каналов, по которым такое знание обычно распространяется. Конечно, подобное нивелирование эпистемического авторитета позволяет большему числу людей «владеть» знаниями, ранее являвшимися экспертными, в том резонансном смысле, которым сегодня обладают «владение» и «собственность». Но в то же время оно устраняет то стабилизирующее влияние, которое в прошлом экспертное знание оказывало на социальный порядок, поскольку более широкий круг людей может применять сегодня то же самое знание в более широком спектре ситуаций.

Вероятно, эта коллективная эпистемическая волатильность усилилась в наши дни в результате развития Интернета как основного социального средства приобретения знаний. Как 500 лет назад протестанты-реформаторы воспользовались появлением печатного станка, чтобы подорвать авторитет Римско-католической церкви, призвав верующих читать Библию самостоятельно, точно так же различные активисты от политики и науки, борющиеся с истеблишментом, призвали своих последователей не до-

верить экспертам и судить о приводимых свидетельствах самостоятельно.

Я никогда не видел большой разницы между эпистемологиями политики и науки. И в этом я ближе к Карлу Попперу, чем к Максус Веберу, если говорить о двух мыслителях, у которых в иных взглядах много общих черт. Будучи активным участником одного из главных антиэкспертных научных движений нашего времени, а именно сторонников *теории разумного замысла*, я усматриваю в нем некоторые поразительные сходства с брекзитом. Теория разумного замысла — это такая форма научного креационизма, которая строится на представлении о том, что жизнь слишком сложна, чтобы быть продуктом не наделенной разумом изменчивости и отбора, как они понимаются в дарвиновской теории эволюции [Fuller, 2007a; Fuller, 2008].

Первое — и, возможно, наиболее важное — сходство в том, что для экспертов уже присутствовала институциональная уязвимость, позволившая бросить вызов экспертам. В случае разумного замысла она была встроена в американскую конституцию, поскольку образовательная политика отдана на откуп местным налогоплательщикам, за счет которых финансируется школьная система. Первоначально идея была в том, чтобы не допустить господства в сфере образования секулярного аналога официальной церкви или же «национальной религии». В этом контексте академические органы действуют в качестве самое большее консультантов или лоббистов, заинтересованных в составлении определенных учебных программ и закупке учебников, за которые в конечном счете отвечают местные школьные округа. В случае же брекзита уязвимость определялась правом парламента объявить референдум и сделать предметом прямого всенародного голосования то, что в противном случае было бы лишь вопросом частного нормативного акта. За всю долгую историю парламен-

та это право использовалось им очень редко. Более того, в отличие от США, где референдумы обычно проводятся в ряде штатов для решения таких вопросов, как ставки налогообложения, по которым у граждан уже должны иметься относительно хорошо сформулированные мнения, Великобритания проводила референдум по довольно эзотерическим, высоким материям государственного управления, таким как пропорциональное представительство и, разумеется, членство страны в ЕС.

Конечно, теория разумного замысла погорела на собственной активности в американских судах, поскольку там регулярно признается, что это криптохристианский заговор, нацеленный на свержение секулярной демократии. Однако практически ничто не подтверждает, что громкие судебные поражения послужили укреплению веры широкой публики в эволюцию, не говоря уже об общественном доверии научному истеблишменту, поддерживающему эту теорию. Вместо этого мы видим подозрения и даже паранойю по поводу того, что государственным органам дано задание разгромить диссидентов, придерживающихся христианских ценностей.

Действительно, если бы эволюция стала в США предметом общенационального референдума, она могла бы проиграть примерно с таким же результатом, как в случае брекзита, — 52% за отказ от нее и 48% против. Трамп, выступив в несколько неожиданном стиле, сумел воспользоваться такими настроениями на своем пути в Белый дом. Похожим образом даже после триумфа брекзита на голосовании наблюдается общий скепсис относительно того, что брекзит будет реализован в соответствии с принципами кампании референдума, учитывая, что Палата общин и Палата лордов проголосовали за то, чтобы остаться в ЕС (80% членов первой проголосовали «за», 20% — «против», во второй — 85% «за», 15% «против»). И хотя в результате общих выборов 2017 г. число депутатов Па-

латы общин — сторонников брекзита увеличилось, парламентарии в целом хотят сохранить как можно больше существующих связей ЕС и Великобритании вопреки тому, что вроде бы хотело общество, а именно переопределения места Британии в мире. Разумный вывод из этого такой: плохо это или хорошо, но общество боится риска намного меньше, чем его выборные представители.

Другой важный фактор в антиэкспертном «восстании», общий для теории разумного замысла и брекзита, в том, что истеблишмент сам допускает наличие проблем, считая, однако, что их можно решить в рамках статус-кво. Теория разумного замысла преодолевает ранние формы креационизма именно потому, что она не только выступает за альтернативное основание объяснения природы жизни (такое как «разумный дизайнер», известный также как авраамическое божество), но также подчеркивает проблемы, уже выделенные эволюционистами в качестве проблем их собственной теории. Точно так же премьер-министр Дэвид Кэмерон начал свою кампанию — возможно, фатальную — за сохранение членства Британии в ЕС, признав его недостатки, наглядным примером которых стал неэффективный саммит в Брюсселе в феврале 2016 г., но при этом утверждая, что их не удастся исправить, если Великобритания покинет ЕС и не сможет реформировать его изнутри.

Со временем эта идея вылилась в то, что сторонники брекзита называли «проектом страха», а именно в общее предчувствие бедствий, которые якобы воспоследуют для Великобритании, если она выйдет из «всегда уже» порочного ЕС. Подобным образом, когда поддержка теории разумного замысла усилилась, научный истеблишмент стал делать упор на то, что эта теория подомнет под себя всю науку, а может, и цивилизацию, если ее начнут изучать в школе. И опять же в обоих этих случаях общество оказалось намного более склонным к риску, чем экс-

перты. В то же время эксперты, признавая с самого начала недостатки, непреднамеренно позволили обществу взять инициативу в свои руки.

В этом пункте мы сталкиваемся с одним из устойчивых стереотипов, распространяемых защитниками экспертного знания, которые утверждают, что антиэксперты — это антиинтеллектуалы, ставящие невежество выше знания и считающие все мнения равно обоснованными. Подобная попытка дезориентации попросту прикрывает обратную тенденцию, а именно то, что в современных демократиях наша вера в экспертов привела к моральному отуплению населения, побуждая людей отдавать другим, специально уполномоченным людям — начиная, возможно, с врача общей практики — право решать за них, во что верить, даже когда последствия таких решений прямо влияют на их жизнь и чувство идентичности. Собственно, современная демократия являет собой своего рода парадокс. Мы предоставляем все большему числу людей право участвовать в политической системе, обеспечивая их к тому же образованием, необходимым для ориентации в ней, и в то же время отвращаем их от высказывания собственного суждения, поскольку все большую нормативную роль приобретает экспертиза. В результате мы возвращаем культуру интеллектуального пиетета, своего рода мягкий авторитаризм, а образование в итоге начинает функционировать вопреки просвещенческим принципам. Люди, вместо того чтобы учиться распространению своей власти на самих себя и мир в целом, учатся лишь тому, как распознавать и соблюдать границы этой власти.

Здесь не хватает именно того, к чему желает подтолкнуть антиэкспертная позиция брекзита, а именно этики разумного риска, которая бы в полной мере признавала сложность мира, требующего различных форм знания, каждая из которых всегда остается частичной и подверженной ошибкам. Кроме того, учитывая общую невероятность

достижения совершенного результата, демократия должна стремиться принимать такие решения, за которые те, к кому эти решения применяются, хотели и могли бы брать на себя личную ответственность при любых последствиях. Говоря в категориях Канта, любое законодательство должно стремиться к тому, чтобы быть самозаконодательством. Если же сказать то же самое в несколько более практических терминах, устранение различия между знаниями парламентария и общества о вопросах общественного блага должно стать целью электоральной политики.

Это умонастроение я связывал с *проактивным* подходом — выступающим противоположностью подхода, основанного на принципе *предосторожности*, — к принятию решений о будущем состоянии человечества [Fuller, Lipinska, 2014]. Конечно, в современных демократиях избирателям нужно объяснять, как работает этот подход, ведь часто они спешат наказать политиков, которые не могут выполнить обещания, за что, однако, избиратели должны винить лишь самих себя. Интересно, что избиратели, проголосовавшие за брекзит, пока не были замечены за таким стратегическим дистанцированием от собственных решений. На самом деле, как мы увидим, они страдают от противоположной проблемы: общество настаивало на том, чтобы политики продолжили «исполнять» волю народа в случае брекзита, какой бы непродуманной, противоречивой или потенциально опасной ни была подобная программа действий.

КАК В СЛУЧАЕ БРЕКЗИТА АНТИЭКСПЕРТЫ ПОБИЛИ ЭКСПЕРТОВ В ИХ СОБСТВЕННОЙ ИГРЕ

Есть определенная ирония в том, что брекзит запустил современную антиэкспертную революцию, если учесть, что он стал результатом референдума, который сам по себе был исходом борьбы между парламентскими элитами,

развернувшейся внутри одной и той же правящей партии. Однако эта ситуация показалась бы вполне знакомой Парето, который, как мы отметили во «Введении», считал, что кровь в обществе перегоняется циркуляцией элит, которых он на манер Макиавелли поделил на львов и лис.

В случае референдума по брекзиту львы были представлены теми, кто желал остаться в ЕС, включая премьер-министра от Консервативной партии Кэмерона, который, словно по велению злого рока, объявил референдум, чтобы оттеснить лис, представленных двумя членами его кабинета министров и возможными претендентами на лидерство, а именно министром юстиции Майклом Гоувом и министром без портфеля Борисом Джонсоном¹. Если проводить анализ этого противостояния в более британском ключе, его можно было бы начать со знаменитой проблемы «двух культур», которую Ч.П. Сноу впервые сформулировал в 1956 г., когда с возникновением послевоенного государства всеобщего благосостояния бразды правления перешли от «гуманитариев» к «ученым» (включая специалистов по социальным наукам, особенно экономистов и практически ориентированных социологов). В этом отношении брекзит явил собой ироничную месть «гуманитариев», если учесть филологическое образование Гоува и Джонсона, которое ни тот, ни другой не скрывали.

Если говорить в категориях концепции «двух культур» Сноу, в референдуме по брекзиту соответствующее разделение проходило между теми («гуманитариями»), кто пытался получить власть, создав словесные картины гораздо лучшего мира, который можно достичь, расставшись с ЕС, и теми («учеными»), кто размахивал статистикой, согласно которой благодаря членству в ЕС люди уже

¹ Борис Джонсон был не министром без портфеля, а мэром Лондона и по этой должности имел право участвовать в заседании кабинета министров. — *Примеч. ред.*

жили в достаточно хорошем мире. Следовательно, пока лисы Гроув и Джонсон нагнетали страсти в своих колонках в *Times* и *Telegraph*, лев Кэмерон опирался на трезвые экономические аргументы и прогнозы, подкрепляемые данными Банка Англии. На этом этапе культурной войны по Сноу риторы в конечном счете победили технократов.

Конечно, последовавшие события не вполне соответствовали плану антиэкспертов: ни Гоув, ни Джонсон не заняли должность премьер-министра², а Консервативная партия после общих выборов 2017 г. потеряла много мест в парламенте. Однако стоит подумать о том, как сторонники брекзита смогли перехитрить своих противников, подойдя к демократии с несколько иной — эпистемологической, а может быть, даже и с этической — точки зрения.

Стандартные исследования общественного мнения, например, большинство устных опросов и анкетирований, предполагают создание репрезентативной выборки населения, оцениваемого по таким предположительно значимым параметрам, как раса, класс, гендер, возраст и т.д. Респондентам задают ряд вопросов, в том числе об их вероятном голосовании на предполагаемых выборах. Хотя этот подход кажется абсолютно честным и демократичным, он может оказаться жертвой многочисленных эффектов взаимодействия исследователей и респондентов, в том числе таких, которые проистекают из социальной дистанции, ощущаемой между исследователями и респондентами и способной повлиять на откровенность последних. Так, в недавней лавине псефологических (то есть относящихся к предсказанию поведения избирателей) ошибок, начиная с брекзита и заканчивая Трампом, выявилась обычная недооценка «популистской» стороны спора. Отчасти такая недооценка была обусловлена тем, что респонденты не считали удоб-

² Книга была опубликована в 2018 г. Борис Джонсон вступил в должность премьер-министра в июле 2019 г. — *Примеч. ред.*

ным в полной мере раскрывать свои мысли, с учетом того, как они представляли себе мысли исследователя. Другими словами, несмотря на методологическую тщательность при подготовке опросов и определении целевых групп населения, респонденты представляют себе ситуацию опроса в качестве задачи произвести наилучшее впечатление на постороннего человека, который выносит о них суждение. Точность их слов, возможно, вообще не представляется им первоочередной целью, а это приводит к тому, что исследователь начинает интерпретировать их ответы неверно.

Антиэкспертная линия брежнеца и кампании в его поддержку смогли разглядеть эту проблему, а потому выбрали совершенно иной путь, оказавшийся не только более эффективным, но также, возможно, более демократичным и справедливым по отношению к людям, которые участвовали в процессе. Прежде всего антиэксперты не считают общество чем-то радикально отличным от исследователя общественного мнения, как если бы первое представлялось носителем «установок», а второй служил чем-то вроде нейтрального экрана на манер психоаналитика, дающего пациенту возможность спустить свое бессознательное с привязи. Напротив, антиэксперты являются социальными конструктивистами, которые вполне учитывают сфабрикованный характер псефологического знания.

Более того, классическое самопонимание исследователей общественного мнения как нейтральных экранов более не работает, поскольку общество уже почти целый век живет с устными опросами и анкетами. С одной стороны, работа, проводимая такими инструментами, стала настолько привычной, что ее возможные эффекты, заключающиеся в социальном дистанцировании, легко заметить даже «непрофессиональной» публике; с другой стороны, общество привыкло и к чаще всего задаваемым вопросам, и к различным формам влияния, обычно оказываемого опросами на результат, в котором заинтересо-

ван исследователь. Короче говоря, общество в силу накопленного опыта опросов пришло к пониманию тех недостатков, которые маркетологи давно уже связали с опорой на «объявленные», а не на «выявленные» предпочтения в попытках предсказать потребительское поведение.

Кроме того, с точки зрения антиэкспертов, псефологическое знание не просто фабрикуется, оно также обладает мягкой принудительной силой, поскольку опросы и анкеты предлагают респондентам более широкий спектр вариантов, чем они сами могли представить. Исследователю общественного мнения редко приходит в голову мысль о том, что ответы респондентов, возможно, в большей степени связаны не с обнаружением скрытых психологических склонностей, а просто с выработкой поведения, которое представляется адекватным заданному вопросу. Чтобы избежать подобных проблем, антиэксперты стали отдавать предпочтение техникам, которые в большей степени определяются методами психологической войны, а не обычного исследования общественного мнения. В частности, основанная Робертом Мерсером, магнатом из Кремниевой долины и давним сторонником Трампа, *Cambridge Analytica*, англо-американская компания, занимающаяся анализом данных, привлекла к себе внимание, поскольку, как утверждает, сделала для брекзита и выборов Трампа в США больше, чем все то, что могли устроить русские хакеры [Cadwalladr, 2017].

Компания, занятая анализом данных, классифицирует целевую аудиторию по многим параметрам, основанным на предпочтениях, выявленных на основе ряда источников, включая данные переписи населения, потребительские покупки и электоральное поведение в прошлом. Все это анализируется при помощи самых современных компьютерных технологий с использованием клиентской информации, в рутинном порядке собираемой социальными сетями вроде *Facebook*. На этой основе, даже формально

не взаимодействуя с респондентами, можно спрогнозировать, как проголосует по данному вопросу основная, а может, даже почти вся, аудитория, если вопрос, который вынесен на голосование, разделяет ее по существующим линиям предпочтений. Конечно, иногда определенные сегменты аудитории могут демонстрировать предпочтения, которые играют в пользу и той, и другой стороны вопроса. Исследователи общественного мнения называют таких людей «неопределившимися избирателями», а в случае такого весьма обширного вопроса, как брекзит, природа «неопределенности» сама «не определена», поскольку зависит от того, как именно формулируется вопрос. Брексит — благодатная почва для такого подхода, поскольку роль Великобритании в ЕС является предметом довольно широкого спектра политических вопросов, причем у избирателей обычно нет четко сформулированного представления о том, как это влияет на их жизнь.

Задача стратега кампании в таком случае состоит в том, чтобы поставить вопрос — в данном случае брекзит — так, чтобы вакантными в соответствующей ситуации неопределенности оставалось достаточно ограниченное число избирателей и кампания могла, таким образом, оставаться сфокусированной. Иначе говоря, худший сценарий — тот, в котором вопрос ставится так, что вынуждает слишком многих избирателей переосмыслить свои предпочтения с нуля, это могло бы произойти, если бы сторонники брекзита сосредоточились первым делом на политической коррупции и разбазаривании ресурсов в ЕС. Хотя вся кампания могла бы тогда приобрести более выраженный оттенок «протестантской реформации», результат мог бы оказаться отданным на волю случая, поскольку то же обвинение можно предъявить и британскому парламенту с учетом недавнего скандала о растратах, с которым он оказался связан. Поэтому слоганами кампании стали строго определенные пункты, такие как «350 миллионов фунтов стерлингов в неде-

лю на Национальную службу здравоохранения», поскольку они, как в данном примере, создавали впечатление взаимозаменяемости финансирования ЕС и обеспечения национальной системы здравоохранения, особенно в период бюджетной экономии. Хотя конкретно эта цифра и ее обоснование во время кампании были опровергнуты, они заставили нужных людей, то есть целевых неопределившихся избирателей, живо представить себе соотношение интересов ЕС и Великобритании.

Интересно, что Кэрол Кадвалладр [Cadwalladr, 2017] и другие авторы рассказывают об антиэкспертном применении анализа данных в формате сенсационного публичного доклада, однако основные игроки, предположительно разоблаченные, продолжают действовать так, словно скрывать им было нечего. И то, что их критики готовы признать «бесстыдством», на самом деле представляется их риторической визитной карточкой. Но действительно ли антиэкспертам надо чего-то стыдиться? В нашей ситуации постистины ответ будет отрицательным, причем по двум причинам, одна из которых относительно техническая, а другая — философская.

Во-первых, отличительная черта подобных передовых подходов к анализу данных в том, что они не принуждают людей формулировать какие-либо предпочтения. Наоборот, «неинвазивные методы» фиксируют любые предпочтения, какие только были продемонстрированы избирателями в своем поведении. Самое большее, в чем можно обвинить этот подход, — это в «подталкивании» избирателей в направлении, к которому они и так уже склонялись. В любом случае только сами избиратели могут решить, что именно делать с теми или иными политическими призывами, которые они встречают в новостных лентах. В конце концов, как уже отмечалось выше, за почти столетие, прошедшее с момента появления маркетинга и исследований общественного мнения, люди привыкли к их воздействию,

распространившемся на самые разные медиа. Поэтому представление, что люди не осознают наличия подобного рода эффектов, даже если и ведут себя в соответствии с ними, свидетельствует о покровительственном отношении к ним. Это не значит, что нет определенных возможностей повысить «медиаграмотность» общества, но для этого каждый должен применять метод проб и ошибок, как и при любом ином профессиональном обучении, особенно учитывая быстрые изменения в медиаландшафте.

Кроме того, такой экспериментальный подход к общественному мнению согласуется, если не доказано обратного, с представлением Поппера о демократии как об «открытом обществе», которое сводится к превращению общества в живую лабораторию. Антиэксперты желают ускорить этот процесс, учитывая те возросшие возможности генерации данных, наблюдения и получения обратной связи, которые открываются в результате использования передовых компьютерных технологий. Итоговый социальный порядок представляет собой то, что один из ведущих футурологов современности — Параг Ханна [Khanna, 2017] называет «прямой технократией». С точки зрения ее сторонников в лагере «жесткого», или «чистого», брекзита, будущее Великобритании представляется своего рода «Швейцаруром», сочетающим лучшие черты Швейцарии и Сингапура на глобальной арене. С точки же зрения разоблачителей, видящих в прямой технократии дистопию, последняя сводится к методам реалити-шоу, примененным к политике, то есть к чему-то среднему между «Заводным апельсином» и «Шоу Трумана» [Kane, 2016].

Но на более глубинном эпистемологическом уровне ужас, который не скрывает Кадвалладр [Cadwalladr, 2017], представляет собой симптом неспособности признать, что даже до высокотехнологичных махинаций с брекзитом «факты» уже существовали в состоянии закавыченности, причем не только в политике, но и в науке. Мы видим это

практически каждый день в спорах о значении предположительно «твердых данных» по инфляции, безработице, государственным расходам, налоговым поступлениям, уровням дохода, активности фондового рынка и торговой выручке. Во всех этих вопросах не вполне ясно, обладает ли Джозеф Стиглиц, нобелевский лауреат и бывший главный экономист Всемирного банка, каким-либо риторическим преимуществом перед политическим аналитиком, который дает цифрам откровенно политически ангажированное толкование.

Это относительно ровное игровое поле говорит не об отсутствии уважения к авторитету науки, а лишь о признании того, что научные факты являются «твердыми» только в контексте академически определенных игр «проверки гипотез», в категориях которых спорщики могут придать вес своим аргументам или, наоборот, потерять его. За пределами этого контекста подобные «факты» работают в качестве пустых ячеек, возможно, даже метафор, для желаемого направления политического курса. Важнее не то, какие именно приводятся точные цифры, а то, что они ведут в верном направлении. Так, сторонники брекзита спят спокойно, хотя британское правительство вряд ли будет тратить на Национальную службу здравоохранения «350 миллионов фунтов стерлингов в неделю», ведь (что, собственно, и заявляют эти сторонники) избиратели в конечном счете хотят лишь того, чтобы на нее регулярно тратилась более значительная сумма. Подобным образом и экономисты Банка Англии, которые ошиблись в своем предсказании того, что вскоре после голосования по брекзиту британскую экономику ждет коллапс, по-прежнему считают, что были правы, поскольку в последующий период действительно наблюдалось заметное ослабление экономического роста. То есть каждая сторона продолжает думать, что владеет истиной, тогда как противник критикуется за то, что приторговывает «фейковыми фактами».